

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

У Григория
Распутина был
магический медальон,
который оберегал его
от любых
опасностей...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Медальон Распутина

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

Медальон Распутина

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Медальон Распутина / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2022 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-173282-0

Григорий Распутин играл значительную роль в российском обществе: он мог назначать и снимать министров, влиять на внешнюю и внутреннюю политику государства. Он обладал сверхъестественными способностями, и в этом ему помогал магический медальон... В наши дни капитану полиции Лебедкину и его напарнице попался весьма капризный потерпевший Аркадий Херувимский. Он уверял, что у него из квартиры похитили семейную реликвию – старинный медальон, который передавался из поколения в поколение несколько столетий... Судьба бесценных и роковых сокровищ в историческом детективе знакового автора серии «Артефакт&Детектив» Натальи Александровой! Главное для серии – это поиски древнего рокового предмета. Он вне времени, вне пространства, и кто знает, утихнут ли страсти по нему в новом столетии?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-173282-0

© Александрова Н. Н., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

35

Наталья Александрова

Медальон Распутина

© Александрова Н.Н., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2022

* * *

Капитан Лебедкин уставился на таблицу, которую составлял уже третий день. Что-то здесь было не так... определенно, не так... не могут эти убийства быть случайными... не иначе как это серия...

У капитана Лебедкина была мечта – обнаружить и задержать серийного убийцу. Но до сих пор все его попытки не приводили ни к чему хорошему. То есть, конечно, были и удачи¹.

Но почему-то про то, как удачно раскрыл он те дела, начальство предпочитало быстро забыть, а вот за его косяки – нагреть по полной.

У капитана мелькнула свежая мысль, но в это время зазвонил телефон.

Лебедкин снял трубку и проговорил мрачным, недовольным голосом:

– Лебедкин!

– Ты чего такой мрачный? – раздался в трубке голос дежурного по отделению Коли Еропкина.

– А чему тут радоваться? – Лебедкин оглядел свой кабинет, точнее маленькую, тесную комнатку, которую он делил со своей напарницей Дусей Самохваловой.

Впрочем, как раз Дуся была предметом зависти всех сотрудников и коллег Лебедкина. Но об этом позже. Тем более что в данный момент Дуся отсутствовала, что тоже не прибавляло оптимизма.

За единственным окном кабинета виднелась какая-то демисезонная хмарь и морось, которая в нашем городе длится девять месяцев из двенадцати – то ли поздняя осень, то ли ранняя весна, в общем, что-то тоскливое и слякотное.

– Ты чего звонишь-то? – недовольно осведомился Лебедкин. – Скучно тебе? Кофе кончился? Так не дам, иди в автомат! Потому что в прошлый раз у Дуси полкоробки конфет сожрал, а она их для Софьи Павловны в подарок приготовила! И мне же еще попало!

– Ага, скучно! – фыркнул Еропкин, который обладал отличным качеством – не слышать то, что ему неприятно. – Сейчас ты также заскучаешь! Сейчас к тебе мужик один придет. С заявлением. Меня он уже достал, теперь твоя очередь. Выслушай его и по возможности вежливо отфутболь.

– Чего это вдруг я? – проворчал Лебедкин. – Ты с ним начал, ты и отфутболь!

– А мне начальник другое дело поручил. А этого мужика велел к тебе отправить.

– Почему ко мне?

– Потому что! Ты что, нашего начальника не знаешь?

Начальник отделения у них был новый, и Лебедкин в глубине души считал его не человеком, а андроидом. Понять его умом было невозможно, оставалось только беспрекословно подчиняться. Но Еропкин, хитрый змей, уже верно подвел начальника как-то к мысли, чтобы мутное дело передать ему, Лебедкину. Ох, дождется он!..

– В общем, я тебя предупредил! – торопливо проговорил Еропкин и повесил трубку.

И как раз в это время в дверь кабинета постучали.

¹ Читайте об этом в книгах Н. Александровой «Перстень Иоанна Грозного» и «Камея римской куртизанки» (Издательство «ЭКСМО»).

– Войдите! – мрачно проговорил Лебедкин.

Дверь открылась.

В свое время Дуся научила Лебедкина определять посетителя, еще не видя человека, только по тому, как он открывает дверь. Это очень полезно, можно заранее подготовиться.

Если рывком тянет на себя, собираясь оторвать ручку – стало быть, посетитель крайне зол, накрутил себя, будет ругаться и предъявлять претензии на отвратительную работу полиции. И раз все знают, что обычный человек так себя вести поостережется, значит, прибывший – человек непростой, со связями, или он таковым себя считает.

С таким нужно держаться ровно, говорить подчеркнуто спокойным тоном, не поддаваться на провокации, он пошумит-пошумит да и успокоится, тогда нормальный пойдет разговор, после которого он жаловаться не побежит.

Если же после стука и разрешения войти проходит какое-то время, да еще слышно, как посетитель топчется в нерешительности, – значит, робеет, боится и, хоть не считает себя в чем-то виноватым, по привычке ожидает неприятностей.

С таким человеком следует говорить более приветливо, дать время успокоиться, а не орать, чтобы быстро излагал дело, потому что у Лебедкина времени нет, сплошной завал и так далее.

Если же дверь открывается сразу после стука, там, за дверью, не ждут разрешения, то это говорит о том, что посетитель столько таскался уже по кабинетам, что потерял всяческую надежду, ему стало все равно, и не боится он или она ничего. Такого посетителя следует подбодрить, говорить с ним участливо, но ни в коем случае не давать надежды, пока не разберешься в деле.

Капитан Лебедкин Дусю, конечно, слушал. И пытался выполнять ее указы, но не всегда получалось. Вот так и сейчас: он отвлекся и не успел определить, как открылась дверь.

Лебедкин увидел посетителя, и у него немедленно заболели зубы.

У некоторых людей болят суставы к дождю или к грозе. У Пети Лебедкина зубы болели перед неприятностями.

Вот и сейчас он понял, что с этим посетителем его ждут большие неприятности.

Перед ним стоял мужчина неопределенного возраста, ему можно было дать как тридцать с гаком, так и без малого пятьдесят. У него были жидкие волосы такого же неопределенного цвета, заметно поредевшие на макушке и зачесанные с боков, бледное лицо из тех, которые прежде называли худосочными, и блеклые, глубоко посаженные глаза с каким-то странным, болезненно-обидчивым выражением.

И в этих глазах, и в этом худосочном лице, и даже в зачесанных на лысину волосах Лебедкин почувствовал предвестие грядущих неприятностей.

– Это вы – капитан Лебедкин? – осведомился посетитель гнусавым обидчивым голосом.

– Лебедкин, – поправил его капитан, поморщившись. Ему не нравилось, когда перевирали его фамилию. Особенно не нравилось, когда называли его Лебедкиным – было в этом что-то особенно обидное, хотя капитан не знал, что именно.

– Это не важно...

– Кому как. Я предпочитаю, когда меня называют правильно. Моя фамилия Лебедкин. А вы кто?

– Херувимский Аркадий Викторович! – сообщил посетитель с непонятной и, опять же, обидчивой гордостью.

– Садитесь, Аркадий Викторович! – Лебедкин показал ему на единственный свободный стул.

Посетитель опасливо взглянул на этот стул, словно не знал, можно ли доверить ему важную часть своего тела, затем протер сиденье носовым платком и осторожно сел.

– Я вас слушаю, Аркадий Викторович!

– Меня ограбили, – сообщил тот, перегнувшись через стол и доверительно понизив голос.

– На улице?

– Почему на улице? На улице я не ношу с собой материальных ценностей!

Вдруг он привстал и выкрикнул неожиданно громко:

– Не думайте, что вам удастся от меня отделаться! У меня есть связи, такие связи, что вам не поздоровится!

Зубы у Лебедкина заболели еще сильнее, однако он взял себя в руки, вспомнив Дусины наказания.

– Пойдите, Аркадий Викторович, – самым спокойным голосом проговорил он, откинувшись на спинку стула. – Я не собирался от вас отделяться, и не нужно пугать меня вашими связями...

– Я вас не пугаю, я вас чистосердечно предупреждаю. А что вы хотите от меня отделаться... это я уже понял по тому, как работали ваши коллеги, которых я вызвал на прошлой неделе! И по сегодняшнему разговору с вашим коллегой! И по вашему собственному выражению лица! А это, между прочим, ваш священный долг и ваша прямая обязанность – расследовать ограбление!

– Чтобы что-то расследовать, я должен для начала знать, что произошло. А вы, вместо того чтобы рассказать мне об этом, пытаетесь меня запугать. Так вот, это ни к чему...

Лебедкин прижал кулак к щеке и поморщился.

– Вот-вот, я вижу ваше отношение!

– Да нет никакого отношения! Зубы у меня болят – ясно? Итак, что у вас произошло?

Посетитель немного снизил обороты и снова заговорил:

– У меня из квартиры похитили ценные вещи. Деньги и другие ценности. Денег, правда, не очень много, но одна вещь чрезвычайно ценная, она имеет большое историческое значение...

Зубы у Лебедкина так заболели, что он застонал.

Посетитель взглянул на него подозрительно.

– Что вы стонете? Это действительно большая художественная и историческая ценность!

Ужас какой, вздохнул Лебедкин. И Дуси, как назло, нет. Вот что теперь делать?

Дуся Самохвалова была напарницей Лебедкина. Работали вместе они уже давно, сидели в этой самой комнатухе, которую назвать кабинетом никто не отважился бы по причине тесноты. Едва умещались там два обычных канцелярских стола и Дусин стул, сделанный на заказ. Потому что Дуся была девушка, как бы сказать, габаритная. Но это ее не то чтобы не портило, а только украшало.

У Дуси всего было много, и это все было отличного качества: синие глаза, большие и круглые, как блюдца, волосы от природы вились буйно, да были еще дивного рыже-каштанового оттенка, губы пухлые без всякого геля, широкая улыбка, так что видны были белые зубы, румянец во всю щеку, чудная гладкая кожа...

В общем, сама Дуся называла себя «сто килограммов женской красоты», при этом преувеличивала едва ли килограммов на пять-шесть. При этом исходила от Дуси такая жизненная энергия – в пору небольшую электростанцию к ней подключать. Экологически, между прочим, чистую, никаких вредных выбросов в атмосферу.

Мужчины, ясное дело, реагировали на Дусю одинаково: при первом знакомстве каждый застывал на месте, вылупив глаза, а дальше все зависело от возраста и крепости организма. Некоторые приходили в себя довольно быстро, необстрелянных же новичков коллеги из жалости предупреждали, завидев в конце коридора мощную фигуру Дуси: соберись, мол, что сейчас будет...

Кроме всего прочего Дуся была неглупа, рассудительна и работоспособна, имела хороший, ровный характер, вид у нее всегда был приветливый, голос звучный.

В общем, коллеги по отделению капитану Лебедкину открыто завидовали. Была даже пара-тройка случаев, когда пытались Дусю от Лебедкина сманить, но ничего не вышло.

Как уже говорилось, мужчины Дусей откровенно восхищались, и женщины, как ни странно, тоже относились к ней хорошо. Потому что Дуся со всеми была приветлива, терпеть не могла сплетен и никогда не отбивала чужих мужиков.

Словом, Дуся умела ладить со всеми – и с коллегами по работе, и со свидетелями. Тут ей просто не было равных. Люди рассказывали Дусе все, причем вспоминали такие подробности, о каких и сами не ведали. Никакого гипноза не надо!

И вот как бы пригодилась сейчас Дуся в разговоре с этим потерпевшим, который достал уже капитана Лебедкина до самых печенок! А ее нет. Ушла по какому-то мелкому делу.

Магазин, что в доме напротив метро, ограбили. Да не то чтобы ограбили, а не то дверь вскрыли, не то окно разбили, вот сосед, что рядом магазин арендует, полицию и вызвал. Еще, говорит, на меня подумают, а я вообще не при делах! Ну, ребята, что на вызов ездили, зафиксировали все, составили протокол, так что волей-неволей пришлось дело открывать. Вот Дуся и вызвалась пойти на разведку, может, удастся хозяина уговорить заявление забрать.

Заодно, говорит, пообедаю хоть нормально, ее Софья Павловна, секретарь начальника, пригласила, у нее день рождения. Дуся с Софьей с некоторых пор в отличных отношениях. Впрочем, Дуся, как уже сказано, со всеми дружит.

Лебедкин отбросил неуместные мысли, взял себя в руки и попытался продолжить:

– Значит, это квартирная кража? У вас ограбили квартиру? Когда это случилось?

Посетитель на мгновение задумался, затем сообщил:

– Обнаружил я кражу пять дней назад...

– Обнаружили? То есть кража произошла пять дней назад? – Лебедкин начал что-то торопливо писать в своем блокноте, но Херувимский остановил его:

– Говорю же вам – я ее пять дней назад обнаружил! И ваших людей вызывал, но они не придали значения и ничего не стали делать! Посчитали, что это слишком мелко и только портит вашу статистику...

– Вот про это не надо, – Лебедкин поморщился от зубной боли, – давайте лучше по существу. Уточните, значит, кража могла произойти раньше, но вы ее не заметили?

– Могла, – признал Херувимский.

– Как так? Раньше вы не замечали следов взлома, не замечали пропажи ценностей?

– Раньше я не проверял тайник, где они лежали. А следов взлома в квартире нет...

– Ах, тайник... значит, ценности пропали из тайника! – Лебедкин сделал пометку в блокноте.

Тут дверь кабинета открылась, и на пороге возникла Дуся. В кабинете сразу стало тесно, но при этом в нем стало как-то легче дышать, и зубная боль у Лебедкина прошла, как будто ее выключили.

Капитан перевел дыхание: Дуся на всех действовала отрезвляюще.

– А что по поводу этой кражи говорит ваша жена? – спросила Дуся с порога.

– Жена? – переспросил Херувимский, не оборачиваясь. – Причем тут моя жена? Не нужно ее сюда впутывать!

Лебедкин посмотрел на напарницу удивленно.

Во-первых, как она, едва появившись в кабинете, смогла войти в курс дела? Во-вторых, откуда узнала про жену Херувимского? Сам Лебедкин по внешнему виду посетителя уверился, что тот живет один. Какая женщина вытерпит такое чучело рядом с собой?

– Так все же, что насчет вашей жены? – повторила Дуся.

Херувимский вспыхнул и обернулся.

Тут он увидел Дусю – и на какое-то время потерял дар речи. Мы уже говорили, так случилось с каждым мужчиной, впервые увидевшим Дусю Самохвалову.

Херувимский побледнел, потом покраснел, потом откашлялся, будто у него перехватило дыхание (очевидно, так оно и было).

– Так что насчет жены? – напомнила Дуся.

– Ни... ничего, – к Херувимскому наконец вернулся дар речи. – Моей жены в момент кражи не было, и сейчас ее нет. Она уехала к своей престарелой тетке...

– К тетке? И куда?

– В деревню. Тетка у нее в деревне, в Подпорожском районе. Тетка – ее последняя родня, жена ее часто навещает...

– А вы ей звонили?

– А там и связи нет.

– Допустим... – протянула Дуся многозначительно и переглянулась с Лебедкиным. – Петр, давайте осмотрим еще раз место преступления.

Лебедкин хотел было наотрез отказаться, но Дуся обладала таким удивительным свойством, что отказать ей было невозможно. Он вздохнул и согласился.

– Да, вот еще тут непонятно, – спохватился капитан, – в деле отсутствует список драгоценностей.

– Какой список?

– Ну, того, что у вас украли... – любезно пояснила Дуся.

– А, это... дело в том, что никакого списка не было. Там, в тайнике, всего одна вещь, но очень ценная. Это медальон, золотой, на крышке мелкими бриллиантами выложено распятие, оплетенное терновыми веточками.

– Да? – Напарники переглянулись.

– Это семейная реликвия, мне досталась от деда, а ему – от его отца! – заявил Херувимский.

– Вы ее оценивали? – осторожно спросил Лебедкин. – Какова цена медальона?

– Он бесценен! Вы обязаны его найти!

– Ладно, вы на машине? – спросила Дуся Херувимского.

– Само собой.

– Тогда вы поезжайте на своей, а мы подведем следом.

Она уточнила у потерпевшего адрес его квартиры, и, наконец, неприятный посетитель вышел из кабинета.

– Так я вас жду! – с угрозой сказал он на прощание.

– Угу! – Дуся приветливо ему улыбнулась, но Херувимский никак не отреагировал. Ясно, пообвыкся уже.

Оказавшись в кабинете наедине с Дусей, Лебедкин первым делом спросил:

– А как ты поняла, что он женат? Я почему-то подумал, что он один живет... такой, понимаешь...

Капитан замялся в поисках подходящего слова, но Дуся быстро пришла ему на помощь:

– Козел.

– Вот именно.

– Ну, знаешь ведь поговорку – любовь зла, полюбишь и козла... и потом, ты ведь эту жену не видел. Может, на нее никакой другой мужчина не смотрел.

– Так все же, как ты догадалась?

– Ну, знаешь, всякие мелочи... рубашка, например...

– А что рубашка?

– Видно, что женщина гладила.

– А что, мужчина сам рубашку не может выгладить? Вот я, например, сам глажу...

– Оно и видно! – Дуся усмехнулась.

– Да нормально глажу! – Лебедкин взглянул на манжету, и тут же подтянул рукав, чтобы ее не было видно.

– И пуговица на воротнике аккуратно пришита, – добавила Дуся. – Тебе в жизни так не пришить. А еще... ты кольцо обручальное не заметил, Шерлок Холмс?

Лебедкин покраснел и, чтобы сменить тему разговора, спросил:

– Да, кстати, что там в том магазине, куда ты ездила?

Он вспомнил, что Дуся с утра выезжала на сообщение об ограблении небольшого магазина.

Вместо ответа Дуся покосилась на напарника и сочувственно проговорила:

– Бледный ты какой-то, Петя! Небось, не завтракал?

– Какое там!

– Вот, держи! – Дуся протянула ему пакет с сэндвичами. – Это Софья Павловна просила передать. Специально для тебя навынос заказала. Она тебе точно симпатизирует.

– Да, так что там, в магазине? – спохватился Лебедкин, вонзая зубы в сэндвич с ветчиной и сыром.

– Да ерунда какая-то! – Дуся махнула рукой. – Магазины этот вообще давно не работает, разорились они. И то сказать: место, конечно, неплохое, напротив метро, но не по дороге. И, опять же, мне тетки из соседних магазинчиков рассказали, что торговал тот магазин уж таким бараклом, что не то что на себя надеть, а в руки взять – и то противно. Они и то удивлялись, что он так долго продержался – почти полтора года. И поговаривали, что хозяйка занималась какими-то криминальными делами, а магазин – только прикрытие.

– И что – правда? – Лебедкин благополучно закончил с ветчиной и сыром и взял следующий сэндвич – с бужениной и маринованными огурчиками.

– Да не думаю! – отмахнулась Дуся. – Скорей всего, просто тетки наговаривают или от скуки сплетничают. Сам посудите: дом большой, весь первый этаж под магазины занят, да еще подвальные помещения задействованы. Арендаторы все друг друга знают и косточки перемыывают, как соседи в деревне.

Короче, там уже другой арендатор, который хочет магазин этот в хозяйственный превратить, ну там, товары первой необходимости, это всегда нужно. И он с прежней хозяйкой договорился, что, если она баракло не вывезет, то он все на помойку выбросит. Ну, она кое-что забрала, а потом вообще уехала в другой город и даже по телефону не отвечает. И только было этот новый арендатор собрался все оставшееся выбросить – тут-то к ним и залезли.

– Так ты говоришь – там братъ нечего было? – Лебедкин покончил со вторым сэндвичем, подумал немного и протянул руку за третьим. Но застеснялся.

– Точно, нечего, – подтвердила Дуся и придвинула к нему третий сэндвич, с рыбой и салатом. – Там, понимаешь, продавщица, что в том магазине работала, устроилась по соседству в продовольственный. Там, говорит, хоть и сутками работать приходится, зато платят побольше. Так она говорит, уж такое баракло осталось – лифчики хлопчатобумажные, штаны спортивные, платья летние ситцевые. У нас сейчас что?

Лебедкин оторвался от сэндвича и взглянул в окно.

– Черт знает что, – сказал он, увидев, что за окном идет дождь со снегом.

– Правильно, зима! Так кому этот летний ужас зимой понадобился?

– Так что – украли эти лифчики и платья?

– А я тебе о чем говорю!

– Дурдом! – Капитан налил себе водички и скомкал пустые обертки.

– Точно. В общем, пустое дело, претензий никто предъявлять не собирается. Да и некому. И давай уже поедим, а то этот тип такой склочный, как бы жаловаться начальству не стал.

Они подъехали к дому Херувимского и сосредоточились на деле.

В подъезде была похожая на аквариум стеклянная будочка консержки, но самой ее на месте не было. Лебедкин отметил в памяти, что нужно будет с ней поговорить.

Они поднялись на пятый этаж и позвонили. Херувимский изнутри недоверчиво переспрашивал, кто приехал, наконец, открыл три замка, и напарники вошли в квартиру.

– Замков у вас много, – проговорил Лебедкин со смешанным чувством неодобрительного уважения.

– Вот именно! И хорошие замки! Один вообще швейцарский! Сейфового типа!

– И следов взлома не видно... – добавил капитан, внимательно осмотрев дверь и замки, – ну ладно, показывайте, где этот ваш знаменитый тайник.

Херувимский неодобрительно взглянул на полицейских:

– Тапочки наденьте!

Лебедкин недовольно фыркнул, но подчинился.

Дуся же отказалась:

– На мой размер у вас женских тапок наверняка нет! Я лучше ноги вытру.

И что интересно, Херувимский не стал спорить.

Он прошел по коридору, вошел в жилую комнату и решительно направился к окну.

Радиаторы под окнами были защищены декоративными пластиковыми экранами.

При виде этих экранов Лебедкин неодобрительно поморщился – проку от них никакого, только мешают теплу распространяться по комнате. Тем не менее Херувимский, покосившись на полицейских, снял один из этих экранов.

Под экраном обнаружился допотопный чугунный радиатор в пятнах застарелой ржавчины.

Ага, подумал Лебедкин, теперь понятно, зачем ему экраны... но лучше бы поменял батареи... каменный век какой-то. Ну или железный. Зальет соседей...

Однако кроме радиатора за экраном обнаружилось еще кое-что: между радиатором и подоконником тускло чернела дверца встроенного сейфа.

– Вот, значит, мой тайник... – проговорил Херувимский со смешанным выражением затаенной гордости от собственной предусмотрительности и одновременно разочарования – ведь, несмотря ни на что, сейф все же обчистили...

Он заслонил сейф от полицейских, набрал на дверце шифр и открыл ее, продемонстрировав пустую емкость:

– Вот, видите, все подчистую забрали! Там еще денег наличных было немного и двести долларов.

– Видим, – подтвердил Лебедкин, – сейф пуст.

– Ума не приложу, – продолжил Херувимский, снова закрыв сейф, – как они это провернули? Ведь тайник же, и замок кодовый...

– А код-то, небось, год вашего рождения?

– Задом наперед! – выпалил Херувимский и удивленно уставился на капитана. – Откуда вы знаете про год рождения?

– Да у каждого второго такой код, – вздохнул капитан. – А у каждого четвертого – задом наперед...

– Надо же... – протянул Херувимский, – а я думал, что никто не догадается...

Тут подала голос Дуся, которая до сих пор молчала и как будто к чему-то прислушивалась. Или принюхивалась.

– Аркадий Викторович, откройте, пожалуйста, сейф еще раз.

Херувимский послушно набрал код (на этот раз он не стал заслонять дверцу от полицейских) и распахнул дверцу. Дуся подошла к сейфу и заглянула в него.

– Да нет там ничего, я проверял! – вздохнул Херувимский. – И ваши коллеги, которые в первый день приехали, тоже проверяли, и тоже ничего не нашли...

– Так-то оно так, да не совсем... – загадочно проговорила Дуся, выпрямляясь. – Скажите, Аркадий Викторович, а какими духами пользуется ваша жена?

– Что? – переспросил Херувимский удивленно. – Причем тут ее духи? Какое отношение...

– Но все же – какими духами? Или вы не помните?

– Ну отчего же не помню. Помню, конечно. Французские духи, «Шанель номер пять»...

– Ну вот, так я и подумала!

Теперь уже и Лебедкин удивленно взглянул на напарницу. Ну у нее и логика! Какое отношения духи гражданки Херувимской имеют к ограблению?

– Самое прямое! – проговорила Дуся.

Лебедкин поперхнулся: он что же, выходит, вслух произнес последнюю фразу?

– Самое прямое, – повторила Дуся. – В сейфе отчетливо пахнет этими духами. Пятую «Шанель» ни с чем не спутаешь! Так что ваша супруга в сейф точно заглядывала...

– Не может быть! – вспыхнул Херувимский. – Я ей даже код от сейфа не говорил! Да она его и не спрашивала!

– Ну да, и год вашего рождения она не знает! – ехидно проговорил Лебедкин, сделав вид, что понял все одновременно с Дусей.

– И вообще, я же вам говорил, что она уехала в деревню к тетке еще до ограбления...

– Точнее, до того, как вы его обнаружили, – уточнила Дуся. – Напомните, пожалуйста, где живет эта самая тетка?

– В деревне Таракановка Подпорожского района... – уныло проговорил Херувимский.

– И связи там нет? – добавил Лебедкин.

– Нет...

– И надолго она уехала? – поинтересовался Лебедкин. – Кстати, давайте-ка запишем ее имя-отчество и все остальное.

– Я не понимаю... – Херувимский повернулся к Дусе, но она отвлеклась от разговора и отошла в сторону.

Ей хотелось осмотреться. Квартира была самая обычная, двухкомнатная. Они, надо думать, находились в гостиной, где стояли довольно старомодная стенка, узенький диван, полированный стол и четыре стула.

Зорким взглядом Дуся отметила, что мебель покрыта тонким слоем пыли – ну да, жена же уже неделю отсутствует.

На свободной стене висела картина – тропический остров. Пальмы, синее море вокруг, песок золотой. И никаких следов людей – ни зонтика пляжного, ни хижины вдали. Пустынный, в общем, безлюдный край. Остров мечты.

Дуся поймала себя на мысли, что она не прочь на таком острове оказаться, учитывая мерзкую погоду за окном и постоянное недовольство начальства.

Впрочем, как уже говорилось, уныние было Дусе Самохваловой несвойственно. И ее здравый смысл всегда был на высоте. Раз нельзя сейчас оказаться у теплого моря – так нечего о нем и мечтать, чтобы зря не расстраиваться.

Рядом с картиной висела фотография супружеской пары. Лето, двое стоят на фоне здания с колоннами. Отель? Скорее, пансионат или дом отдыха в средней полосе.

Дуся присмотрелась к женщине. На первый взгляд ничего особенного. Ни худая, ни толстая, волосы забраны в гладкую аккуратную прическу – ну лето все-таки, жарко. Подкрашена тщательно, маникюр, само собой, сумка довольно дорогая, и платье красивое – по желтому полю лиловые ирисы разбросаны.

Дуся сама была женщина яркая и не любила темненькое-скромненькое. А тут все-таки лето, люди в отпуске, да не на пляж собрались, а может, вечером в ресторан. Или на экскурсию.

И даже Херувимский выглядит прилично. Не красавец, конечно, но одет аккуратно, выбрит чисто, рубашка летняя новая... да, жена за ним следит.

– Надолго ваша жена уехала? – спросила Дуся.

– Дней... дней на десять... – пробормотал Херувимский.

Лебедкин оторвался от своих записей и понимающе на Дусю посмотрел. Что делать в дальней деревне так долго зимой? Ладно бы еще летом – природа, места, наверно, красивые, да и то городской женщине одной скучно будет. Да еще без телефона. А зимой-то зачем так надолго ехать? Ну провела тетку, гостинцев свезла, денег оставила – да и езжай домой, в цивилизацию.

– И часто она так надолго к тетке уезжает? – гнула свое Дуся.

– Ну... так надолго еще не было, дня на два-три бывало... То есть что вы хотите сказать? – забеспокоился Херувимский.

– То и хотим сказать! – начал прямой Лебедкин, но Дуся дернула его за рукав.

– Ну так или иначе, ваша жена последняя видела пропавший медальон. Вы ведь к нам обратились? Значит, мы должны ее допросить. А как это сделать, если вы даже не знаете, когда она вернется? И связаться с ней не можете...

Дуся перевела дыхание и добавила:

– Вот скажите, вещей она много с собой взяла?

– Можно посмотреть... – Все отправились в спальню.

Спальня выглядела бы поопрятней, если бы не валялась рядом с кроватью на стуле старенькая пижама в полоску, увидев которую Лебедкин едва сдержал насмешку. Он в толк взять не мог, как это нестарый мужчина может спать в пижаме. Да еще в такой. Впрочем, он тут же сказал себе, что это не его дело.

Дуся раздернула плотные занавески и подошла к встроенному шкафу.

В левой половине аккуратно висели выглаженные мужские рубашки, пара пиджаков, серый костюм в пластиковом пакете – видно, что только из химчистки, ровной стопкой лежали джемпера и свитера разной степени молодости: сверху поновее, снизу – более поношенные, но все чистые, тщательно сложенные. Что и говорить, жена Херувимского была женщиной аккуратной.

В правой половине же было пусто. Обычно бывает наоборот, у женщины всяко одежды больше.

Висели справа парочка явно не новых платьев, синий пиджачок с вытянутыми рукавами, юбка с отпорванным подолом...

Дуся мигом сообразила, что все эти вещи висят в шкафу давно и руки у хозяйки не дошли с ними что-то сделать – либо в порядок привести, либо бедным отдать, но перед этим тоже хоть подол у юбки подшить, а то неудобно.

То есть ясно, что хозяйка вещи эти оставила как ненужные, бесполезные. А остальную одежду взяла. И, судя по тому, что не нашла Дуся в шкафу того желтого платья в лиловых ирисах, летнюю одежду хозяйка взяла тоже.

Ага, в зимнюю деревню к тетке... Ну-ну.

Дуся оглянулась на своего напарника, но Лебедкин смотрел непонимающе. Ну да, эти мужчины таких мелочей не замечают. Ладно, потом поговорим.

– Не дойдем мы к ночи до того скита! – проговорил старый паломник, остановившись и опершись на суковатый посох. – Придется нам, вьюнош, в лесу заночевать!

– В лесу? – переспросил молодой странник, опасливо оглядевшись по сторонам. Вокруг них был глухой черный ельник, заваленный буреломом, через который с трудом пробивалась узкая извилистая тропа. – Где ж тут ночевать? Тут и укрыться-то негде!

– Господь, вьюнош, нигде нас не оставит. Мы ведь странники, Божьи люди, нам любой кусток – что родной дом...

– А может, и успеем дойти до темноты... – протянул молодой, – коли ты, дядя, не будешь вечно останавливаться...

– У меня, вьюнош, ноги уже старые, я на этих ногах все святые места обошел... и на Светлояр-озере был, и в Печорах, и у Иверской Божьей Матери...

– Обошел, да не дошел... – огрызнулся молодой странник. – А ты не слышишь, дядя, вроде какой-то голос в лесу раздается?

– Какой еще голос? – Старик насторожился, прислушался, перекрестился. – Никак и правда голос... это, вьюнош, не иначе как леший нас заманивает...

И правда, из ельника доносился какой-то жалобный стон.

– Леший? А мне слышится, что человек... надоть, дядя, поглядеть – может, живая душа о помощи просит!

– Не ходи, вьюнош, не надо! Точно тебе говорю – леший это! Заманит в лес, и конец тебе! А может, не леший, так тогда рысь... это еще хуже будет...

Молодой паломник, однако, не слушал старого спутника. Он устремился в чащобу, проламываясь сквозь подлесок.

С каждым шагом жалобный голос становился все громче, все отчетливее.

Молодой странник раздвинул низко нависшие ветки – и увидел неестественно зеленую полянку, посреди которой в темной промоине бился человек. Странник понял, что перед ним чаруса – небольшая, но глубокая и коварная болотина, затаившаяся посреди леса и подкарауливающая путников. И какой-то несчастный человек забрел в эту болотину и сейчас безуспешно пытается выбраться из нее...

Заметив молодого странника, утопающий забился с новой силой и выкрикнул:

– Помоги, добрый человек! Христом Богом тебя умоляю, вытащи меня из этой трясины!

Странник не спешил ответить, и утопающий взмолился с новой силой:

– Добрый человек, не дай пропасть! Скажи, как тебя звать?

– Григорий.

– Гриша, до самой своей смерти буду за тебя Бога молить! Кинь мне лесину или руку подай!

Григорий опасливо огляделся по сторонам.

Поблизости не было видно подходящей лесины или упавшего дерева, которое можно было бросить поперек чарусы. Если самому подползти к утопающему... не дай бог, сам и угодишь в трясины.

– Спасай, добрый человек! – снова взмолился незнакомец, заметив его колебания. – Спасай, ради Христа! Коли спасешь меня, я тебе дорожную ладанку отдам...

– Какую ладанку?

– Дорожную, а главное – чудотворную, заговоренную. В ней святые мощи лежат, большой силы. У кого эта ладанка – того все слушать будут и почитать, как святого. А еще она от любой напасти защитит! Никто тебя погубить не сможет... ни ядом отравить, ни ножом зарезать, ни пулей застрелить!

– Что ж тебя-то эта ладанка от трясины не защитила?

– Видать, такая уж моя судьба! Возьми ее, добрый человек, только вытащи меня!

С этими словами утопающий с трудом высвободил левую руку из трясины, стянул с шеи серебряную цепочку с медальоном и показал Григорию.

Тот решился, сломал несколько веток покрепче, бросил их на поверхность чарусы и пополз к утопающему.

Тот оживился, почувствовав приближение подмоги, забился с новой силой, но от этого трясина еще быстрее стала засасывать его. Теперь над трясиной виднелась только косматая голова и вытянутая вперед рука с медальоном.

– Поспеши, добрый человек! – проговорил он задыхающимся голосом. – Пропадаю...

– Сейчас... еще немного... – Григорий полз по тряской, колеблющейся поверхности болотины. До утопающего оставалось совсем немного. Григорий протянул руку...

Но вместо того чтобы подать руку несчастному, он схватил медальон. Это была круглая ладанка, на которой было мелкими самоцветными камнями выложено распятие. Схватил и торопливо спрятал в свой карман.

После этого он снова протянул руку...

Но было уже поздно.

Чаруса утянула несчастного в глубину, над поверхностью мелькнул широко открытый в безмолвном крике рот – и тут же трясина сомкнулась над ним, надулся и лопнул пузырь болотного газа, и промоину затянуло зеленой ряской.

– Господи, помилуй... – пролетел Григорий, глядя на то место, где только что был живой человек. – Господи, помилуй...

И он торопливо пополз назад, чтобы не разделить ужасную судьбу незнакомца.

Выбравшись из болота, Григорий отправился в обратный путь, к своему спутнику. Он искал свои следы, сломанные ветки и примятый мох, но то ли где-то ошибся, то ли перепутал приметы, но только шел и шел через тайгу, а все не выходил на знакомое место.

Он начал кричать, но сперва не услышал никакого ответа, а потом ему ответила какая-то лесная птица.

Начало темнеть.

Григорий подумал уже, что заблудился и ему придется заночевать в лесу, да еще и в одиночестве.

Тут – то ли от страха, то ли от безысходности – он сжал в кулаке медальон.

И тут же услышал вдалеке человеческий голос. Даже не голос – а несколько голосов.

Он пошел на эти голоса и очень скоро вышел на поляну, посреди которой стояла приземистая изба.

Это и был тот скит, куда шли они со старым спутником.

На пороге скита стоял седобородый отшельник, обитатель скита, а рядом с ним – старик, спутник Григория. Они вглядывались в чащу и попеременно выкрикивали имя молодого странника.

– Вот он я! – проговорил Григорий, выходя на поляну.

– Слава Богу! – проговорил его спутник. – А я уж думал, леший тебя увел в чащобу! А скит-то близко оказался...

Он пригляделся к Григорию и спросил:

– Так нашел ты того, кто в лесу голосил?

– Нашел, отче. Да это рысь оказалась, как ты и говорил.

Седобородый отшельник, давно в одиночестве живший в скиту, повернулся к Григорию и уставился на него незрячими глазами, затянутыми белесой пленкой.

– Как тебя звать-то, вьюнош? – спросил он сухим каркающим голосом.

– Григорием.

– Чувствую в тебе большую силу, Григорий! Далеко пойдешь, большие дела делать будешь...

Он вдруг замолчал на полуслове, шагнул к Григорию и прикоснулся рукой к его лицу.

– Далеко пойдешь, Григорий, с большими людьми спознаешься... с самыми большими... с самим Государем запросто говорить будешь... но конец твой будет страшным... кровь вижу... кровь на снегу... много крови... еще польню вижу... прорубь во льду...

– Это ничего, что страшный конец! – неуверенно проговорил Григорий. – Главное, что посередке! Далеко, говоришь, пойду? Ну так и хорошо! Хоть час, да наш!

Лебедкин и Дуся вернулись в родное отделение, и первым, кого они встретили в коридоре, был Коля Еропкин, который уныло топтался у кофейного автомата.

Автомат, как всегда, не работал.

– Ну и подсиропил ты нам дело! – возмущенно проговорил Лебедкин. – Теперь придется на край света тащиться, в Подпорожский район... представляю, какой это медвежий угол!

– И ничего не медвежий! – обиженно отозвался Еропкин. – Очень красивые места! И рыбалка там отличная! А уж сколько грибов и ягод, я и не говорю!

– Может, летом и красивые, а сейчас я себе представляю... здесь-то, и то в окно выглянуть противно...

– И я, между прочим, оттуда родом! – продолжал обижаться Еропкин. – Малая родина... И каждое, между прочим, лето хоть на недельку, а съезжу туда, к истокам припасть...

– Ну извини, я ничего такого не хотел сказать... просто сейчас ехать туда неохота...

– А какое конкретно место тебе понадобилось?

– Деревня Таракановка, – поморщился Лебедкин. – Одно название чего стоит...

– Таракановка? – переспросил Еропкин. – А ты, Петя, ничего не перепутал?

– С какой стати?

– А с такой, что Таракановки уже пять лет как нет.

– Что значит – нет?

– То и значит. Нет больше такой деревни. Была, да сплыла. Пять лет назад ее из списка населенных пунктов исключили и электричество отрезали.

– Ты уверен?

– Конечно! У меня бабушка неподалеку живет, в деревне Малые Зяблики. Говорю же, каждое лето ее навещаю. Бабка упрямая, уж мать хотела ее в город переселить, она – ни в какую! Тут, говорит, и помру, где родилась и всю жизнь прожила. Да только она еще всех нас переживет – дай бог здоровья ей! У них в Зябликах тоже всего полторы старухи осталось, но все же, пока есть живые люди, деревня в списке значится, и автолавка по пятницам приезжает, и электричество есть, и даже рейсовый автобус раз в день останавливается. А в Таракановке пять лет как никто не живет... стоят еще какие-то дома заколоченные, без окон, да и те скоро развалятся или сгорят...

– А может, есть еще одна деревня с таким названием? – осведомилась Дуся, которая до того сбегала к Софье Павловне, но ту вызвал к себе начальник, так что разговора не получилось.

– В Подпорожском районе? – переспросил Еропкин. – Я там все деревни знаю. Второй Таракановки нет. Вот Зяблики... Есть Малые Зяблики, есть Большие, а еще есть Верхние Зяблики. А Таракановка всего одна, можете не сомневаться.

Дуся не сомневалась в свидетельстве Еропкина, но все же на всякий случай открыла в компьютере список населенных пунктов Подпорожского района.

И убедилась, что деревни с гордым названием Таракановка среди них нет. Пять лет назад была, а сейчас нет.

– Вот так вот, – сказала она напарнику, – наврала все жenuшка этому Херувимскому. Я сразу поняла, что ни в какую деревню она не уехала, когда увидела, что почти всю одежду она с собой взяла. Больше тебе скажу – точно она возвращаться не собиралась.

– Да ясен пень! – энергично закивал Лебедкин. – Решила, значит, отвалить куда-то, и единственную ценную вещь с собой прихватила. Потому что если честно, то больше у него и брать-то нечего. Как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок!

И вот что теперь делать? В розыск ее объявлять? Так прежде нужно от этого придурочного Херувимского заявление получить, что жена его обокрала!

– А когда найдем ее, она скажет, что он ей сам эту штуку дал! На годовщину свадьбы подарил! Или просто взяла, подружкам показать! И вообще, муж да жена – одна сатана, так что где тут кража-то? Да нас, Петя, на смех поднимут!

– Да знаю я! – В отличие от Дуси Лебедкин быстро впал в уныние и потом долго в нем находился. – Но все-таки что-то делать нужно, потому что этот Херувимский такой склочный тип, будет всюду жалобы строчить, работать не даст.

Порешили поискать сбежавшую жену неофициально, точнее, поискать ее машину. А когда найдут, то поговорить с ней приватно и убедить, чтобы сама со своим муженьком разобралась. Пускай ему драгоценность отдаст, а там гуляет на все четыре стороны.

Обратились к Коле Еропкину, он все всегда про всех знал и имел кучу знакомых везде.

Еропкин был, по словам Дуси, мужчиной обстрелянным, то есть ничего не стал бы делать только за ее улыбку, так что его вызвали в их крошечный кабинет и напоили кофе из Дусиных личных запасов, да еще и выдали полпакета сдобного печенья из близлежащей пекарни. Владелец пекарни к Дусе, по его собственному выражению, неровно дышал и все уговаривал ее сняться для рекламы булочек с корицей.

Сытый Еропкин не подвел, и уже через два часа Лебедкину позвонили и сообщили, что синяя «Шкода» за номером таким-то, принадлежащая Херувимской Екатерине Владимировне, найдена на стоянке, что на улице генерала Карбышева. Камер там рядом нет, но предварительно известно, что стоит машина примерно неделю. Если надо, можно машинку осторожно вскрыть и посмотреть.

– Поеду! – решил Лебедкин. – На месте посмотрю, а там уж будем думать...

Максим Максимович смел снег со ступенек, поднялся на крыльцо, вставил ключ в замочную скважину. Обычно после большого перерыва ключ поворачивался с трудом, приходилось приподнимать дверь, но на этот раз замок открылся на удивление легко. Как будто его закрыли только вчера, а не три месяца назад.

В доме было еще холоднее, чем на улице. Пока протопишь печку, пока дом хоть немного прогреется... хорошо, что жена не поленилась, приготовила термос с кофе.

Не хотел он ехать на дачу – что там зимой делать, – но жена настояла. Хотела проверить, как там да что... ну, с ней спорить – себе дороже. Опять же, им, как пенсионерам, проезд бесплатный...

Нинель Ивановна вошла в комнату, поставила на пол сумку с продуктами, повернулась к холодильнику...

– Максим! – проговорила строгим деревянным голосом. – Я тебе сколько раз говорила – холодильник нельзя оставлять закрытым! Там, небось, плесень развелась! Теперь мне полдня его отмывать придется... на холоде-то...

– Ни нуля, – плаксивым голосом возразил Максим Максимович. – Что ты такое говоришь? Само собой, открыл я этот клятый холодильник! Что же я, не понимаю?

– Открыл, да? А это что? У меня что – глаз нет? Я что – не вижу, когда он закрытый?

– Ну, Ни нуля, наверное, он как-нибудь сам захлопнулся! От сквозняка или еще отчего...

– Отчего, интересно? Или я тебе не говорила, что нужно стул приставлять? Приставил бы стул, так никакой сквозняк... а так мне отмывать его придется!

С этими словами Нинель Ивановна открыла дверцу холодильника, на всякий случай задержав дыхание...

И тут же, не издав ни звука, сползла на пол.

– Нинуля, ты что? Тебе плохо? – Максим Максимович кинулся к жене, похлопал ее по щекам. Когда это не помогло, вытащил из сумки бутылку минеральной воды, откупорил, плеснул на лицо жены, приговаривая:

– Нинуля, да что же с тобой... как же я теперь... сюда, небось, и «Скорую» не вызовешь...

Нинель Ивановна хрипло выдохнула, села, вытаращив глаза, уставилась на мужа безумным взглядом и воскликнула:

– Кто эта женщина?

– Что? – пролепетал Максим Максимович удивленно. – Что с тобой? Ты бредишь, Нинуля? – Он проверил рукой лоб жены – нет ли у нее жара. Жара не было.

– И нечего на меня переводить стрелки! – сквозь зубы процедила Нинель Ивановна. – Еще раз спрашиваю – кто эта женщина? И не пытайся меня обмануть!

– Да о ком ты говоришь?

Максим Максимович проследил за взглядом жены, повернулся к открытому холодильнику...

Первым делом ему бросились в глаза лиловые ирисы на желтом фоне. Совершенно неуместные на промерзшей зимней даче.

И только потом он увидел лицо с широко открытыми глазами.

Лицо молодой женщины.

Впрочем, с некоторых пор Максиму Максимовичу казались молодыми все женщины до пятидесяти лет.

На улице Карбышева на стоянке машин было совсем немного – время рабочее, все по делам разъехались, а здесь обычно люди только вечером паркуются.

– Привет! – услышал Лебедкин из ближайшей машины. – Заждались уж тебя.

Из будки показался сторож – немолодой мужичок с кривыми ногами, в старой меховой ушанке, причем одно ухо торчало вверх, как у старого барбоса.

– Чего такое? – недовольно заверещал он. – Машина в угоне, что ли? У меня все дела в порядке.

– Тихо, дед, не паникуй раньше времени! – повернулся к нему Лебедкин. – Ты лучше честно скажи, что про эту машину знаешь? Видел ее раньше?

– Первый раз она сюда встала.

– Кто она?

– Да баба эта, хозяйка!

– Давай по порядку.

– Да что там... ну, дней пять назад... у меня точно там все конкретно записано, – мужичок махнул рукой в сторону будки, – подъезжает «Шкода» эта, она, то есть хозяйка, спрашивает, можно на временную стоянку? Ну, раз места есть, я и разрешил. Мне-то какая разница? Заплатила она за неделю – и отчалила.

– Как отчалила? На какой машине?

– Пешком. А куда пошла – я без понятия.

– А с ней в машине никого не было?

– Не-а, сама за рулем, в машине никого.

– А вещи у нее какие были?

– Да никаких. Сумка дамская, как у всех. – Сторож неопределенно пожал плечами.

– Ладненько. Слушай, ты иди к себе, а мы тут аккуратненько машинку вскроем, осмотрим и уйдем.

– А ежели у ней чего-нито пропадет, а мне отвечать? – нахмурился сторож.

Лебедкин подумал, что ничего ценного хозяйка в машине наверняка не оставила, судя по всему, просто ее бросила и уж всяко в ближайшее время за ней не вернется.

Но настырный сторож не отставал.

– Ладно, смотри тут сам.

– Да я и машинку вскрыю быстрее вас!

И правда, сторож отключил сигнализацию мигом и открыл дверцу бесшумно.

– Ты, дед, в молодости угонщиком, что ли, был? – восхитился один из парней из ГИБДД.

– А вот это не твое собачье дело! – всерьез обиделся сторож. – Кем я был и что делал, тебя не касается!

– Ну ладно, мы тогда уж поедем, вот как раз на аварию вызывают, дед сам машину закрое!

– Уж как-нибудь, – буркнул сторож, – руки у меня из нужного места растут...

Как только Лебедкин заглянул в салон машины, он сразу понял, что ничего путного он тут не найдет. Салон был абсолютно пуст, стерильно чист и пах хвойным освежителем воздуха.

Да, правильно отметила Дуся еще в квартире – жена Херувимского была женщиной аккуратной.

Лебедкин на всякий случай посмотрел в бардачке – пара квитанций, которые ничего ему не дадут, он и так знает, чья это машина. На полу не было ничего – ни фантиков от конфет, ни крошек от булочек. Впрочем, кто бы сомневался.

Открыли багажник, там тоже было пусто и относительно чисто. Лежала только запаска.

– Погоди-ка... – Сторож отстранил капитана и влез в салон по пояс. Порылся в глубине и нашел навигатор, который завалился за переднее сиденье.

– Ну, дед! – Лебедкин только головой покачал.

Навигатор показал, что последний раз машина ездил по городу семь дней назад, как раз в тот день, когда жена Херувимского якобы уехала в деревню к тетке.

Выехала она рано утром из дома, потом заехала на Петроградскую сторону, угол Малого проспекта и Бармалеевой улицы, постояла там недолго, а потом поехала сюда, на улицу Карбышева, никуда больше не заезжая.

И пока капитан раздумывал, не смотаться ли прямо сейчас на Петроградскую сторону и сколько времени он потеряет, учитывая жуткие пробки, позвонил дежурный Коля Еропкин и велел ему срочно ехать в отделение, потому что неподалеку, в дачном поселке в черте города, нашли труп женщины. Первичный осмотр провели ребята, что выехали по сигналу, а начальство распорядилось, чтобы дело это отдали Лебедкину и Дусе.

И сказал он это таким ехидным голосом, что капитан понял: и тут Еропкин интригует, нарочно ему подгадил. Вот за что, интересно знать? А они его еще кофием поили...

В их крошечном общем кабинетике Дуся разговаривала с кем-то по телефону.

– Да-да. Поняла. Не забуду. Все, что смогу, – сделаю. Ага, будем на связи!

– Уф! – Она положила трубку и обмахнулась газетой. – Вот еще забота. Как будто без того мало. Помнишь, в тот магазинчик, что в доме напротив метро был, залезли?

– Ну да, барахло какое-то унесли.

– Ага, еще арендаторы сплетничали, что хозяйка магазином прикрывается, а сама в каком-то криминале замешана. Так вот, нет дыма без огня, правы они оказались! Звонил мне сейчас один товарищ из Таганрога, так вот она, Лопарева эта, хозяйка магазина, проходит у них там по делу о наркотиках. Ищут они ее давно и не могут найти, ушлая такая баба, шустрая. Можешь себе представить, даже ни одной фотографии ее приличной нет! Так вот, он очень просил поискать что-нибудь про нее, может, кто какие контакты ее знает. Телефон, ясное дело, она отключила. А у тебя как дела? А хотя потом, все потом, сейчас нам к Данилычу нужно насчет трупа, найденного в холодильнике!

– В холодильнике? Обалдеть! – восхитился Лебедкин. – Неужели он уже его обследовал? А хотя... если ты с ним договаривалась...

Как уже говорилось, если Дусе было что-то нужно, редко какой мужчина способен был ей отказать. И эксперт Данилов, которого все звали Данилычем, не был исключением.

Напарники спустились вниз и вошли в лабораторию.

Как в любом морге, здесь было очень холодно.

Эксперт Данилов стоял посреди своих владений в белом (не очень свежем) халате и в галстук-бабочке. Такой галстук он увидел у эксперта в каком-то американском сериале и решил, что ему он тоже необходим. К сожалению, галстук Данилова всегда был чем-то заляпан, вот и сейчас на нем были красные пятна.

Дуся предпочитала считать, что это не кровь, а кетчуп.

Кроме всего прочего, в помещении играла громкая классическая музыка. Это были «Времена года» Вивальди. Разумеется, в соответствии с сезоном, «Зима».

– Ну вот она, наша Снежная королева! – Данилов эффектным жестом отбросил простыню, предъявив напарникам расплосованное и заново сшитое тело.

– Почему Снежная королева? – переспросил недогадливый Лебедкин, наморщив лоб.

– Ну как же... ее же в холодильнике нашли... – Эксперт смутился. Ему всегда становилось неловко, если его грубоватые шутки не сразу доходили до адресата.

Данилыч был лысоватый такой, немолодой уже дядька, но бодрый и обладающий специфическим чувством юмора. Впрочем, при его работе без этого нельзя.

– Ну и что ты про нее можешь сказать? Причина смерти, ориентировочное время? – Лебедкин опомнился и спросил это как можно тверже.

– Причина смерти ясная. Задушена, скорее всего платком. Знаешь, в Индии такая секта была – туги-душители. Они подкарауливали одиноких путников и душили специальными шелковыми платками, приносили их в жертву своей богине...

– Все-то ты знаешь! – процедил Лебедкин, отступая от стола. – И главное, все такое оптимистичное и жизнеутверждающее! И без того настроение не очень...

– Извини – работа такая!

– А что насчет времени смерти?

– Вот с этим сложнее. Поскольку она находилась на морозе, время смерти можно установить только с точностью до времени года. Плюс-минус два-три месяца. Понятно, что убили ее не раньше, чем установились холода. А уж точнее, извини, никак!

– И как ты прикажешь установить ее личность? – уныло протянул Лебедкин.

– А вот это уже ваша работа!

– А что при ней было из вещей? – подала голос Дуся, которая до этого рассматривала лицо женщины. Точнее, женщиной то, что лежало на столе, называть не хотелось. Если честно, то и смотреть на тело не хотелось, но Дуся была все же профессионалом, так что взяла себя в руки и смотрела внимательно.

Женщина была довольно молода, до сорока, это точно, а может быть, лет тридцати пяти. И похоже, что при жизни была довольно интересной. Волосы когда-то были хорошие, густые, пепельного оттенка. Глаза... ну, глаза так выпучены, что и не разглядеть.

– Ну да. – Данилов подошел ближе. – Молодая и прежде была ухоженная, за собой следила. Ну, там процедуры разные для кожи. Мышцы, опять же, не дряблые, развитые, стало быть, фитнесом занималась или другим каким-то полезным спортом. Не бедная, в общем, женщина, не бомжиха какая-нибудь.

– Так что там с одеждой? – повторила Дуся.

– А вот с этим совсем плохо. Из вещей при ней было только то, что на ней... то есть только это.

С этими словами эксперт протянул Дусе пластиковый пакет, сквозь который просвечивало лиловое и желтое.

– Ну-ка, ну-ка... – проговорила Дуся и вытряхнула содержимое пакета на стол.

Перед ней было платье – лиловые ирисы на желтом фоне.

– Не по сезону платьице! – протянул Лебедкин.

– Петя! – окликнула его напарница. – Это же оно! То самое платье! Ты не узнаешь?

Лебедкин еще раз взглянул на платье, потом повернулся к Дусе:

– Да нет вроде...

– Я хочу сказать, что мы установили ее личность! Это то самое желтое платье, в котором была на фотографии жена Херувимского! Желтое платье в лиловых ирисах!

На лице Лебедкина ничего не отразилось.

Ну да, эти мужчины никогда не замечают мелочей. И даже Петька, хороший оперативник, а вот поди ж ты! Фотографию, может, он и заметил, но платье точно не запомнил. Да что там, среднестатистического мужчину утром спросишь, в каком платье его жена вчера с ним в ресторане была, – он и то не вспомнит.

Данилов фыркнул.

– Ты уверена, что платье то самое? – спросил Лебедкин.

– Очень похоже. Что еще на ней было?

– Да ничего не было. – Данилов пожал плечами. – Одно только платье на голое тело – ни белья, ни колготок, ни обуви...

– Странно... – пробормотал Лебедкин, – значит, задушена, одевал явно убийца – не сама же она платье на голое тело нацепила...

Дуся с Даниловым понимающе переглянулись. Всем было известно, что капитан Лебедкин буквально бредит специфическими преступлениями. Везде ему мерещатся маньяки, да не простые, а серийные.

Начальство за это капитана сильно не любило, хотя была в прошлом у него пара-тройка блестяще раскрытых дел. Но на эти дела приходилось втрое больше промахов и ошибок, а ведь всем известно, что, если дело резонансное раскрыто – то начальство пожинает его плоды, а вот если случилась ошибка или висяк – то виноват всегда стрелочник, то есть капитан Лебедкин.

Тут, как ни странно, Дуся с начальством была не то чтобы согласна, но в какой-то мере признавала его правоту. Уж больно противным становился Петька, когда его одолевала очередная идея насчет маньяка. Дуся же здраво считала, что нужно расследовать конкретное преступление, то есть выполнять свою непосредственную работу, а не углубляться в серийные дебри.

Пока собирались звонить Херувимскому, он позвонил сам и грозно осведомился, как там обстоит его дело.

– Вот как раз есть подвижки! – ляпнул рассердившийся Лебедкин. – Жену вашу нашли, приходите на опознание.

– Ты с ума сошел! – Дуся вырвала у него трубку и заворковала. – Аркадий Викторович? Капитан Самохвалова вас беспокоит... Да-да, мы с напарником у вас были недавно... Значит, тут вот какое дело... жена ваша ни в какую деревню не поехала, там и деревни такой нет, и тетки у нее, я так понимаю, тоже нет... Вы слушайте, не перебивайте! По телефону подробности я говорить не буду, а вот вы лучше приходите завтра на опознание... Да, молодая женщина примерно возраста вашей жены... ей сколько? Тридцать шесть... ну да, подходит. Не верите? Ну, все бывает, так что вы лучше приходите и сами убедитесь... ага, буду вас ждать. Непременно. Договорились.

– Вот так-то. – Она укоризненно взглянула на Лебедкина. – А ты сразу орать. Так можно человека до инфаркта довести!

– Да ничего ему не сделается! Спорим, он больше расстроится, что его ценная вещь пропала, чем что жену убили...

Херувимский вошел в прозекторскую, зябко поежился, неуверенно, опасливо огляделся. Данилыч привычным жестом поправил бабочку, подошел к накрытому простыней телу. Херувимский прижал руку к груди, уставился на труп под простыней, потом быстро взглянул на полицейских:

– Это... это она?

– А вот вы нам это сейчас и скажете! – И Данилов жестом циркового фокусника откинул простыню.

Херувимский испуганно попятился, посмотрел на мертвую женщину, затем перевел взгляд на Данилова, а потом – на Дусю и Лебедкина, словно ждал от них каких-нибудь пояснений.

Данилыч прокашлялся:

– Ну что?

– А кто это? – Вопросом на вопрос ответил Херувимский.

– То есть как? – Лебедкин пристально взглянул на него. – Вы ее не опознаете?

– Нет, а должен?

– То есть это не ваша жена, гражданин Херувимский? – недоверчиво осведомился Данилыч.

– Нет, конечно.

– Вы уверены? – уточнил Лебедкин. – Все-таки она мертвая и не в самом лучшем виде...

– Слушайте, ну что я, собственную жену не узнаю? Вот вы, например, свою жену узнаете?

– Я не женат, – недовольно произнес Лебедкин. – То есть разведен... то есть это вообще к делу не относится. Короче, вы не опознаете свою жену, гражданин Херувимский?

– Да сколько можно повторять? Конечно, не опознаю. Это другая женщина, которую я никогда прежде в глаза не видел. И надеюсь больше не увидеть.

– Ладно, тогда вы можете быть свободны. Но никуда не уезжайте – вы нам можете понадобиться.

Херувимский что-то недовольно проворчал себе под нос, но побрел к выходу.

– Дорогу обратно найдете? – спросила Дуся.

– Найду!

Как только дверь за Херувимским закрылась, Лебедкин переглянулся с Дусей.

– Ну вот тебе и здрасте! А ты говоришь, что мы установили личность. Теперь нужно начинать сначала...

– Ну, меня платье ввело в заблуждение... – призналась Дуся. – Но согласишься, платье точно такое же, как на той фотографии... трудно было не обознаться...

– Платье... – повторил Лебедкин, и его лицо приобрело отстраненное выражение. Дусе это выражение категорически не понравилось – такое выражение появлялось у ее напарника, когда он думал, что наткнулся на серийное убийство.

– Петя, только не это! – простонала Дуся. – Ты мне нужен трезвый и вменяемый!

– А? Что? – переспросил Лебедкин, как будто просыпаясь, и повернулся к эксперту: – Данилыч, теперь только на тебя надежда!

– Да, Данилыч, миленький, теперь только ты нам можешь помочь! – присоединилась к напарнику Дуся. – Что ты можешь сказать про эту покойницу?

– Ну... – Данилыч снова поправил засаленную бабочку, прокашлялся и заговорил: – Перед нами женщина примерно тридцати пяти лет, причина смерти, как я вам уже говорил, – удушение, время смерти... ну, про это я вам тоже уже говорил...

– Данилыч, нам бы хоть какую-нибудь зацепку, чтобы установить ее личность!

– Ну... могу, конечно, сказать что-то о ее зубах, но мы все равно не знаем, к какому стоматологу она ходила, а проверить все стоматологические клиники в городе нереально. Но вот

что интересно – ей делали операцию на коленном суставе левой ноги. У нее была старая, еще детская травма, вызвавшая дефект коленного сустава. Эта травма могла сказаться на походке и привести к более серьезным последствиям. И несколько лет назад ей сделали операцию.

– А где сделали – можно сказать?

– Ну... операция довольно сложная, самое лучшее место, где такое могли сделать, – Институт травматологии. Так что советую туда наведаться. Если даже не они делали, то они, по крайней мере, могут вас куда-то направить.

– Больше ты нам ничего полезного не можешь сказать? Хоть что-нибудь!

– Больше ничего. В остальном жертва была здорова и прожила бы достаточно долго, если бы не встретила на своем пути негодяя, который ее задушил.

Дуся с Лебедкиным переглянулись в удивлении, услышав в голосе эксперта скорбные, трагические нотки. Надо же, вроде бы насмешник такой и даже циник, а вот, поди ж ты, пожалел молодую женщину... значит, ничто человеческое ему не чуждо...

На выходе из лаборатории поджидал их, однако, Аркадий Херувимский.

– Что вам еще? – набросился на него Лебедкин. – Вам же сказали – идите домой, вас вызовут, если что понадобится! Не отвлекайте нас от работы!

– Если что? – прищурился Херувимский. – Вот какие действия вы проводите по моему делу? И на каком основании вы меня вызываете незнакомые трупы опознавать, если меня ограбили? Украли ценную вещь, а вы ничего не делаете!

Лебедкин набрал воздуха, чтобы высказать этому типу все, что он думает о нем, о его жене и о мифической драгоценности, которой, может быть, и вообще нет, но Дуся была начеку и оттеснила его могучим плечом в сторону.

– Иди, Петя, работай, мы тут разберемся, – вполголоса проговорила она. – А вы, Аркадий Викторович, сбавьте обороты. Не нужно таким тоном разговаривать.

Они поднялись наверх и остановились у окна в коридоре.

– Давайте мы поговорим с вами неофициально. – Дуся улыбнулась, и от ее улыбки лицо Херувимского стало мягче, и появились в нем человеческие черты. – Итак, мы выяснили, что жена ваша вас, уж простите, обманывала, нет у нее никакой престарелой тетки. То есть тетка, возможно, и есть, но ни в какой деревне, у черта на куличках, она не живет. Далее, когда ваша жена уехала неделю назад, то, судя по всему, она не собиралась возвращаться. Об этом говорит то, что она взяла с собой почти все вещи, оставила уж совсем ненужное.

– Но я... но она... да не может быть! – Херувимский замахал руками, как мельница крыльями.

– Да хватит уже голову под крыло прятать, как страус! – Дуся повысила голос. – Что вы все отмахиваетесь, мы же тут не в игрушки играем. Повзрослейте, наконец! Машина вашей жены обнаружена на автомобильной стоянке на улице Карбышева! Были у нее знакомые или родственники в том районе?

– Не знаю...

«Хоть что-то он о своей жене знает?» – подумала Дуся, старательно удерживая на лице приветливое выражение.

– Значит, теперь вы должны окончательно определиться. – Она добавила в голос официальной строгости. – Либо вы заявляете, что ваша жена просто пропала, то есть уехала от вас, либо вы утверждаете, что она украла у вас вашу ценную вещь.

– Она не могла украсть медальон, она... она не подозревала о его существовании!

– То есть как?

– Да вот так! Я ей его никогда не показывал! Ни разу! А почему я должен сразу же делиться с посторонним человеком самым сокровенным? Не для того мои предки много лет хранили медальон, чтобы я... первой встречной...

– Аркадий Викторович! Что вы говорите? Да сколько лет вы с женой прожили?

– Какая разница? Ну... шесть, а что?

«Ну и ну!» – подумала Дуся, потому что даже не нашлась, что сказать. Но потом опомнилась:

– И вы полагаете, что, прожив с вами в квартире шесть лет, жена ваша не нашла тайника? Женщина она аккуратная, хозяйственная, так что все углы в квартире, небось, исследовала на предмет уборки, а попутно и тайничок вскрыла. Любопытство, знаете ли, не порок, тем более женское...

– Зараза! Воровка! Надо же, взял ее в дом, шесть лет кормил-поил, а она...

– Ну-ну... – Дуся не любила, когда так отзываются о женщинах, тем более о женах. – Успокойтесь! Значит, мы можем, конечно, распространить ориентировку по антикварным и ювелирным магазинам насчет этого медальона, но что-то мне подсказывает, что жена ваша не станет его сразу же продавать. Раз уж она сумела так замести следы... Машину бросила, чтобы ее не искали. А вот, кстати, может быть, у вас есть фотография медальона?

– Нет, а зачем мне было его фотографировать? – Херувимский вскинул голову.

– Ну тогда... есть хоть кто-то, кто видел этот медальон, так сказать, воочию, кто может подтвердить, что он у вас действительно был? – решила Дуся задать прямой вопрос, потому что ей до чертиков надоело ходить вокруг да около.

– Его никто не видел, то есть, конечно, отец мой и дед, но их уже нет, – буркнул Херувимский, и тут до него дошло. – Вы думаете, что я... что я все это сочинил? Что никакого медальона у меня вообще не было? Да как вы...

– Ну, что я думаю, значения большого не имеет, – Дуся снова улыбнулась мягко, – но согласитесь, что выглядит все это подозрительно. И опять-таки, ваша жена, когда мы ее найдем, будет от всего отпираться – дескать, знать не знаю ни о каком медальоне, не видела его, а у вас и доказательств никаких нет. Так что будет ваше слово против ее. Конечно, опять-таки, если мы ее найдем.

– Да я плюну ей в глаза, вырву ее лживый язык!

– Вот этого не надо! И говорить такое не нужно в присутствии сотрудника полиции! Это же прямая угроза! Оскорбление словом и действием...

– Простите, – Херувимский отвернулся, – но что мне делать? Ведь фамильная ценность пропала! Дед мне перед смертью доверил, а я не сберег...

И такая тоска прозвучала в его голосе, что Дуся уверилась: не врет, и правда был медальон.

– В розыск ее подавать нет причины, – сказала она, – жена ваша ничего не совершила противозаконного, она – женщина взрослая, совершеннолетняя, имеет право поступать по своей воле, а что от вас сбежала тайком – это ее личное дело.

Дуся перевела дыхание и добавила:

– Ладно, попробую я ее поискать, на работу ее позвоню, вы знаете, где она работала?

– Фирма «Прима – плюс». – В голосе Херувимского Дуся уловила неуверенность. Номера телефона он тоже не знал, зачем, когда у жены мобильный есть?..

На том и простились.

Григорий Ефимович вышел из церкви, медленно, величаво спустился по ступеням.

К нему тут же кинулись поджидавшие его богомолки – черные платки, черные кацавейки, горящие фанатизмом глаза. Закаркали, как воронье:

– Старец, благослови! Благослови, отец родной!

Распутин оглядел их, поморщился, однако осенил всю эту шайку крестным знаменем. Нашел среди этой черной стаи одну, помоложе и попривлекательнее, поманил:

– Подойди, дочь моя!

Та растолкала товарок, протиснулась к нему.

Что-то в ее лице показалось Распутину неправильным, нехорошим. Слишком прямо смотрит в глаза и словно что-то затаила...

– Как тебя звать, дочь моя?

– Хиония! – ответила та, и вдруг лицо ее переменялось, переколось от ненависти. – Антихрист! Сатанинское отродье!

Хиония выхватила из-под шали остро заточенный мясницкий нож, ударила старца в грудь.

Метила в самое сердце, но острие ударилось во что-то твердое, соскользнуло, полоснуло по боку.

Распутин обожгла боль, брызнула кровь.

Он покачнулся, открыл рот, чтобы крикнуть, но не смог.

Хиония снова замахнулась, хотела ударить еще раз, но на нее уже налетели стайей ворон богомолки, вырвали нож, оттащили от старца, толкнули на землю.

Сам Распутин тоже упал на землю, перед глазами поплыли волглые ватные облака, словно распоротые перины.

Кто-то нагнулся над ним, разорвал рубаху, оцупал раны, зажал края. Чей-то знакомый голос проговорил:

– Как вы, Григорий Ефимович?

– Бог... Бог помог... – прохрипел из последних сил. – Бог упас...

– Да, и ладанка вот эта... если бы не она, нож бы прямо в сердце вошел, а так – рана не опасная...

– Ладанка... – выдохнул Распутин.

– Да, если бы не ладанка...

– Хионию...

– Что, Григорий Ефимович?

– Хионию пощадите, ибо не ведала, что творит. – И Распутин провалился в беспамятство.

– Значит, у нас осталась только одна зацепка – операция на коленном суставе... – проговорил Лебедкин, когда Дуся наконец вернулась в их общий кабинет.

– Нет, еще платье! – Дуся достала желтое платье из пакета и принялась его внимательно разглядывать.

– Да, платье! – оживился Лебедкин. – Точно такое же, как на жене Херувимского. Это не может быть просто совпадением. Тебе не кажется, что это уже серия?

– Нет, не кажется! Жену Херувимского мы еще не нашли, и нет никаких оснований считать ее убитой. Скорее всего, она просто сбежала от мужа. Я бы, честно говоря, тоже от такого сбежала.

– Ты бы за такого вообще не вышла, – резонно заметил Лебедкин. – Да, но платье... оно точно такое же...

– Согласна, что платье похоже. Но это может быть простым совпадением.

– Не верю я в такие совпадения!

– Верить или не верить – это вопрос второй, и не самый главный, а первый вопрос – кто та женщина в морге. И чем нам может помочь ее платье...

Дуся еще раз осмотрела платье, нашла внутри шелковую этикетку, прочитала:

– Хлопок – семьдесят процентов, эластан – двадцать процентов, лайкра – десять процентов... название фирмы... где продано, не написано. А вот и фирменная этикетка... ага «Кэтти Блейк». А платье-то хорошее было... довольно дорогое, явно в приличном магазине куплено, не на вещевом рынке.

– И как ты это разглядела в этой тряпке, – фыркнул Лебедкин, – ведь сколько она в морозилке пролежала-то...

– А вот, кстати, сколько? – задумалась Дуся. – Хозяева дачи однозначно сказали, что два месяца их там не было. Что зимой на даче делать-то? Это если большой загородный дом, а у них – домик в садоводстве. Воды зимой нет, ну, печка, конечно, а так-то...

– И еще в отчете сказано, что вокруг чисто было – снег белый, нетронутый, а он дней десять как выпал. Значит, до этого ее туда привезли и в холодильник определили. И вот что интересно, ребята, что на вызов выезжали, сказали, что дороги там ни к черту, они трактор вызывали, чтобы дорогу до дачи расчистить. Хозяева-то пешедралом с электрички ходят. А пока снег не выпал – там еще хуже, такая грязь – мама не горюй, сама знаешь, какая у нас нынче зима отвратительная. И как труп-то туда доставили? Если на тракторе, так там трактор у одного только мужика на три садоводства есть, он зимой колоссальные деньги заколачивает, дороги расчищает да машины из кювета вытаскивает. Так что чужой трактор сразу бы заметили. Поспрашивали там ребята местных жителей – никто ничего не видел. Дуся, ты меня не слушаешь, что ли?

Дуся в это время искала в интернете что-нибудь про фирму «Кэтти Блейк». Оказалось, фирма приличная, вещи добротные, качественные, но не супердорогие. И в нашем городе торгует вещами этой фирмы преимущественно сеть магазинов «Риджент-стрит». И магазинов этих осталось в нашем городе всего три штуки – сами понимаете, кризис и все такое прочее.

Лебедкин набрал номер администрации Института травматологии. Ему ответил строгий женский голос:

– Слушаю!

– Капитан Лебедкин из двенадцатого отделения полиции.

– Чем могу помочь? Ногу сломали или что? У вас вообще-то своя больница есть, ведомственная.

– Ничего я не сломал. Мне ваша помощь нужна. У нас находится неопознанный труп...

– А мы-то причем?

– При том, что этому трупу... то есть когда он... она еще не была трупом, делали операцию на колене. Так вот, я хочу узнать, не у вас ли делали эту операцию. Если делали у вас – мы сможем узнать имя этого неопознанного трупа.

– Ну и как, интересно, я могу вам помочь по телефону?

– Вы мне хотя бы только скажите, с кем мне нужно про это поговорить.

– Ладно, приезжайте, поговорите с Миленой Витальевной. Она как раз сегодня работает.

– С кем?

– С Миленой Витальевной Мавриди. Это наш старейший практикующий хирург. Давно у нас работает. Если кто-то и вспомнит ваш труп – так это она.

Напарники решили разделиться. Лебедкин отправится в Институт травматологии, а Дуся попытает счастья в одежных магазинах сети «Риджент-стрит».

Через час Лебедкин подъехал ко входу в большое здание из светлого кирпича. Перед входом стояло несколько машин «Скорой помощи» и множество легковушек.

Капитан припарковал свою машину рядом с ними и вошел в приемный покой. Здесь он обратился к дежурному, назвал свое имя и предъявил удостоверение.

– Это вы по поводу аварии на Суздальском проспекте?

– Нет, мне нужно поговорить с вашим врачом... – Он заглянул в шпаргалку. – С доктором Мавриди.

– Ах, с Миленой Витальевной! Это вам на второй этаж, третий кабинет по коридору.

Лебедкин поднялся на второй этаж, нашел нужный кабинет, вошел в него.

В кабинете по стенам висели какие-то таблицы и плакаты, напоминающие то ли пособия для начинающего палача, то ли схемы разделки туш в мясном магазине.

Под этими плакатами за просторным чистым столом сидела крупная женщина лет шестидесяти, с большими мужскими руками и решительным взглядом.

– Милена Витальевна?

– Она самая.

– Я капитан Лебедкин, – представился полицейский. – Я звонил вашему руководству... у нас, понимаете, находится неопознанный труп, у которого была операция на коленном суставе, так вот я думал, что вы сможете нам помочь...

– Ну что ж, показывайте! – Милена Витальевна потеряла руки.

Лебедкин был готов к такому повороту и протянул собеседнице рентгеновский снимок колена, который ему дал Данилыч.

Доктор взяла снимок, посмотрела его на свет, повернула, еще раз посмотрела и проговорила:

– Хорошая работа! Помню, помню этот сустав!

– Так это вы его оперировали?

– Конечно, я!

– Вы уверены?

– Что же я, по-вашему, свою работу не узнаю? Я свою работу всегда узнаю! А этот сустав я вообще очень хорошо запомнила, довольно трудный случай был... – Милена Витальевна с горделивой улыбкой разглядывала рентгеновский снимок, как гордые родители любуются фотографией своего отпрыска.

– Тогда назовите мне, пожалуйста, фамилию пациента... точнее, пациентки. – Лебедкин достал свой неизменный блокнот и приготовился записывать.

– Да что вы, молодой человек! – Женщина удивленно взглянула на него. – Что же я, всех своих пациентов помню?

– Но вы же сказали, что хорошо помните!

– Я помню свою работу, помню этот сустав, но пациента... нет, пациента не помню.

– Но можно его как-нибудь установить?

– Почему же нет? Судя по состоянию сустава, операция проводилась примерно три года назад. Кроме того, тут использован имплант фирмы «Ледекс», мы такие начали применять как раз три года тому назад... у нас, слава богу, все компьютеризировано...

– И год рождения, пожалуйста! – добавил Лебедкин в последний момент.

Милена Витальевна сняла трубку стационарного телефона, набрала короткий номер и проговорила:

– Маша, Машенька, будь добра, посмотри у себя в компьютере, кому мы ставили имплант «Ледекс» на левый коленный сустав три года назад. Да, совершенно верно. Выбирай только женщин. Да, очень нужно... жду... жду... жду...

Наконец она повернулась к Лебедкину и сказала:

– Записывайте! В интересующий нас период сделаны три операции подобного типа женщинам. Леденовой Марианне Владимировне, одна тысяча девятьсот сорокового года рождения...

– Эта не подходит!

– Вторая – Кулонго Милименди Бонду...

– Как?! – Лебедкин вытаращил глаза. – Что это вы такое говорите? Вроде приличная женщина!..

– Это ее имя. И фамилия. По крайней мере, я так думаю. Помню я эту пациентку – студентка из Нигерии. Баскетболом занималась, спортивная травма...

– Негритянка? – уточнил Лебедкин.

- Ну да, я же говорю – Кулонго Милименди...
- Тоже не подходит! – вздохнул капитан.
- Далее... Мезенчук Алла Сергеевна, одна тысяча девятьсот восемьдесят шестого...
- А вот это уже годится! Может, у вас и адрес ее имеется? То есть я и сам могу найти...
- Зачем же искать? У нас в компьютере все есть! Все-таки не каменный век!

Лебедкин записал в свой блокнот все координаты покойной Аллы Мезенчук, поблагодарил Милену Витальевну за помощь и покинул ее кабинет.

Выйдя на улицу, он подумал, что ему предстоит самая тяжелая и неприятная задача, которая только бывает у полицейского – сообщить родным и близким о смерти гражданки Мезенчук и пригласить кого-нибудь из них на опознание.

Тут же у него мелькнула малодушная мысль, что по части психологии Дуся куда толковее его и с такими трудными и неприятными делами справляется легко.

На его счастье, Дуся еще не поехала по одежным магазинам, потому что решила кое-что уточнить по телефону, не выходя из кабинета, что ноги-то зря топтать. Поэтому она согласилась составить капитану компанию, раз все равно имя жертвы уже известно. Так что через полчаса Лебедкин подхватил Дусю возле отделения, и они вместе отправились по адресу Аллы Мезенчук.

Гражданка Мезенчук проживала в типовом девятиэтажном доме советской постройки.

Напарники поднялись на пятый этаж, позвонили.

Из-за двери донесся певучий женский голос:

– Иду-у, Люся! Иду-у!

– Ты помолчи сперва, Петя! – проговорила Дуся вполголоса. – Сперва я начну, а то ты вечно как слон в посудной лавке... норовишь сразу все выложить...

– Да, конечно, давай ты... – Лебедкин попятился и отступил за спину напарницы.

Дверь открылась. На пороге стояла крупная полноватая блондинка, прилично за тридцать, в коротком халате.

– Ой, это не Люся! – удивленно проговорила блондинка, разглядев напарников.

– Удивительно тонкое наблюдение! – подал голос Лебедкин из-за Дусиной спины.

– Петя! – одернула его напарница и обратилась к блондинке деликатным тоном: – Можно войти? Не хочется на лестнице разговаривать, внимание соседей привлекать.

– Войти? – Блондинка нахмурилась. – А кто вы вообще такие, чтобы вас в квартиру впускать?

– Вообще-то мы из полиции. Капитан Самохвалова. – Дуся протянула собеседнице удостоверение. – А там, за спиной у меня, – напарник мой, капитан Лебедкин.

– Из полиции? – Блондинка заметно поскущела. – Ну ладно уж, заходите...

Она отступила, и напарники вошли в прихожую. Прихожая была и вообще очень тесная, а когда в нее вошла Дуся, там стало и вовсе не развернуться.

– Пойдемте на кухню, что ли...

Кухня тоже была маленькая.

Блондинка втиснулась в угол между плитой и холодильником и устала на полицейских:

– Ну, и о чем вы хотите поговорить?

– Вы, может, присядете? – предложил Лебедкин тоскливо.

– Да что такое? – Блондинка побледнела, она переводила испуганный взгляд с Дуси на ее напарника. – Что случилось?

– Петя! – повторила Дуся безнадежно. И повернулась к хозяйке: – Мы должны сообщить вам очень неприятное известие... вы только не пугайтесь...

– О господи! Что случилось? С мамой что-нибудь?

- Алла Сергеевна Мезенчук вам кем приходится?
- Что?! – Блондинка растерянно захлопала глазами. – Алла Сергеевна? Мной...
- Что значит – мной? – переспросил Лебедкин.
- Это я – Алла Сергеевна Мезенчук!

Лебедкин и Дуся переглянулись.

- Вы уверены? – протянул Лебедкин.
- Он что – всегда такой? – Хозяйка квартиры сочувственно взглянула на Дусю.
- Как правило! – вздохнула та.
- А паспорт ваш можно попросить? – вскинулся Лебедкин.
- Да пожалуйста! – Блондинка выдвинула ящик и протянула ему паспорт.

Лебедкин недоверчиво взял паспорт, пролистал его, вернул и проговорил растерянно:

- Как же так?
- А можете вы мне наконец объяснить, в чем дело?
- Понимаете, – начал Лебедкин. – Мы обнаружили труп...
- Петя! – рывкнула Дуся. – Сколько можно!
- А что я? Ты же сама видишь...

Дуся помолчала минуту, затем обратилась к напарнику:

– Слушай, ты, может, поедешь пока, поговоришь еще с Данилычем? Может, он еще что-то нашел? Еще какие-нибудь зацепки? А я тут одна закончу...

- Одна?
- Ну да, я управлюсь...
- А как же ты обратно, без машины?
- Да ничего, городским транспортом доберусь.
- Да я не знаю...

– А я знаю! – Дуся выразительно взглянула на Лебедкина. Он узнал этот взгляд – так она давала ему понять, что один на один лучше найдет общий язык со свидетелем.

Лебедкин вздохнул, извинился и покинул квартиру.

Проводив взглядом капитана, Алла Мезенчук (если это действительно была она) снова посмотрела на Дусю и проговорила:

- Так что там случилось?
- Может, у вас кофе есть? – ответила Дуся вопросом на вопрос и оглядела кухню.
- Кофе? Конечно! – Блондинка встала, засуетилась, включила кофеварку, поставила на стол две чашки тонкого фарфора.

Дуся внимательно смотрела на ее округлые гладкие колени.

- Вам сахар насыпать?
- Да, пожалуйста, две ложки. Или лучше три.
- Так все же в чем дело? Что там ваш товарищ говорил про какой-то труп?
- Алла Сергеевна, вы ведь никогда не делали операцию на коленном суставе?
- Что?! – Блондинка чуть не уронила чашку. – Какую операцию? Вы вообще о чем? То труп, то вдруг сустав...

– Три года назад в Институте травматологии сделали операцию на колене молодой женщине с вашими паспортными данными. Но ведь это были не вы?

– Ничего не знаю ни про какую операцию! – запротестовала блондинка. – Первый раз слышу!

– Алла Сергеевна! – Дуся повысила голос. – Мне просто нужно выяснить правду. Я вас ни в чем не обвиняю.

– А что такое он говорил про труп?

– В том-то и дело! Мы нашли труп неизвестной женщины, без документов и без вещей, по которым ее можно было бы опознать. Единственная ее примета – операция на коленном

суставе. Мы обратились в Институт травматологии, где делали эту операцию, и там нам назвали вашу фамилию...

– Это какая-то ошибка! – вскрикнула блондинка.

Дуся не удостоила ее ответом, только продолжала пристально на нее смотреть.

– А может, это просто совпадение... может, это была моя однофамилица...

– Алла, ну расскажите честно, как дело было. Говорю же – мне без разницы, что там было три года назад, мне только нужно выяснить, кто та женщина, которую мы нашли убитой. Пока мы это не выясним, мы не сможем расследовать убийство.

Блондинка тяжело вздохнула и проговорила:

– Ладно, записывайте... Кристина Леденцова... Кристина Олеговна... подруга моя... бывшая.

Она пригорюнилась:

– Значит, убили ее...

– Видимо, да.

Блондинка немного помолчала и продолжила:

– У нее с детства колено было повреждено, хромала из-за этого. И тут она узнала, что можно сделать такую операцию. Раньше только за границей делали, а потом и наши врачи научились, даже какая-то технология новая, еще и лучше заграничной. Но только за деньги, и очень большие. У нее таких денег не было. Ну, она тогда и попросила меня... мы же с ней дружили близко.

– Вас? А при чем здесь вы?

– А я тогда работала в хорошей коммерческой фирме, и у всех сотрудников этой фирмы была оформлена дорогая медицинская страховка. Эта страховка покрывала даже такие операции. Вот Кристина меня и попросила, чтобы по моей страховке... А там не то чтобы не проверяют, но она договорилась...

– Понятненько... Мошенничество со страховкой...

– Вы же обещали...

– Обещала, обещала. Мне до этого дела нет. А почему вы с ней... с потерпевшей... раздружились?

– Почему? – Алла вспыхнула. – Ну, это вообще-то другая история... долгая история...

– Да я не тороплюсь... – Дуся взглянула на часы и поправилась. – То есть не очень тороплюсь.

Алла тяжело вздохнула, задумчиво посмотрела на опустевшую чашку и проговорила:

– Может, еще кофейку?

– Можно и еще, – согласилась Дуся, подумав, что кофе развяжет хозяйке язык.

– Говорят, кофе способствует когнитивным способностям, – сообщила Алла.

– Чего? – удивленно переспросила Дуся. – Каким таким способностям?

– Когнитивным, – повторила Алла. – А что это такое – не спрашивай. В блоге одном прочитала.

Она снова наполнила чашки, а потом вопросительно взглянула на Дусю:

– А хочешь, я в кофе немножко добавлю?

– Чего?

– Ну, можно коньячку... или ликера сливочного? У меня хороший ликер есть, ирландский...

– Я вообще-то на службе, – с сомнением протянула Дуся. – Нам на службе пить не положено.

– Так я тебе и не предлагаю пить. Я только в кофе капельку добавлю, это же не считается...

– Ну, только если капельку...

– Тогда ликера!

Алла достала из кухонного шкафчика бутылку с яркой этикеткой, налила сначала Дусе – действительно немного, потому что та жестом попросила ее остановиться, а потом плеснула себе – уже основательную порцию.

Пригубив кофе, Алла подперла щеку кулаком и вздохнула:

– А все-таки жалко Кристинку, хоть и зараза она была первостатейная...

– Зараза? – переспросила Дуся. – А почему зараза?

– По определению. Когда мы с ней познакомились, она такая была... никакая, ни то ни се, ни рыба ни мясо, мимо на улице пройдешь – и не вспомнишь. Полненькая, бледненькая, да еще и хромая. Само собой, мужики на нее и не смотрели. Ну, мы с ней как-то незаметно подружились, она прямо с руки у меня ела!

– Понятненько... – протянула Дуся.

Она знала такие случаи – когда привлекательная женщина заводит невзрачную подружку, чтобы на ее фоне выглядеть еще красивее. А эта Алла раньше вроде бы ничего себе была – блондинка натуральная, фигуристая.

Но зоркие Дусины глаза заметили уже легкую одутловатость лица, и слегка заплывшие глаза. И опять же, на дворе белый день, а она дома сидит в халате. Не работает, что ли? А на что тогда живет, если одна?

– Я сменами работаю, сменами, сегодня в вечер пойду. – Алла правильно угадала ее взгляд.

Дуся отвела глаза и подумала, что теперь работа у Аллы явно не в той фирме, где дают хорошую страховку. Ясное дело, турнули ее оттуда.

– Ну вот, тут эта операция... – продолжала Алла, – уж как она меня упрашивала! Я и подумала – что мне, не жалко, не свои деньги плачу... вот, сделала она операцию, и что ты думаешь?

– Что?

Алла взглянула на свою чашку и подлила еще ликера – теперь, по оценке Дуси, там уже ликера было больше, чем кофе. Да, бывает адмиральский чай, когда коньяку все время подливают, а у этой Аллы получается адмиральский кофе, что ли...

Потом Алла взглянула на собеседницу – мол, подлить?

Дуся помотала головой и для убедительности накрыла свою чашку ладонью.

Алла сделала большой глоток и продолжила:

– Значит, сделала она эту операцию, и как переродилась. Записалась на фитнес, в бассейн, на диету села, похудела килограмм на пятнадцать, постриглась... я и не заметила, как стала моя бледная моль совсем другим человеком.

Алла отпила еще кофе, вздохнула и снова долила ликера. Дусе на этот раз не стала предлагать.

– А я, по чесноку, не сразу все эти перемены заметила. Потому что не до того мне было – у меня в это время случилась большая любовь. Федя его звали...

Алла снова вздохнула.

– Так, вроде с виду ничего особенного, парень как парень, а вот чем-то он меня зацепил. Прямо с ума по нему сходила. И он вроде тоже ко мне неровно дышал. Уже была у нас мысль съехаться, даже квартиру присмотрели. Хорошая такая квартирка, двушка, в приличном месте и недорогая. Я уже кое-какие вещички присматривать стала – инстинкт гнездования, как говорится. И вот увидела в одном магазинчике красивое зеркало, купила – думаю, где его повесить. Приехала в ту квартирку, чтобы подобрать место для зеркала. Открыла своими ключами, вхожу... и вижу у порога Федины ботинки. Вот, думаю, сюрприз... Иду тихонько, чтобы сюрприз не испортить, открываю дверь спальни, а там...

– Федя с Кристиной? – догадалась Дуся.

– Ну вот, неинтересно с тобой! Хотя тут кто угодно догадался бы. Одна я как дура... Алла плеснула в свою чашку еще ликера, сделала глоток и закашлялась.

– Главное, Крестинка меня первая заметила, раньше, чем Федор. И глазки у нее прямо загорелись – мол, смотри, подруга, как я тебя сделала! Такое торжество во взгляде! И ты еще спрашиваешь – почему я ее заразой называю? Зараза – это еще мягко сказано! Я ее по своей страховке на эту операцию пристроила, можно сказать, жизнь ей изменила – а она мне так за это отплатила! Такую подлянку устроила!

Алла замолчала.

Дуся решила, что больше не узнает от нее ничего полезного, и достала блокнот, чтобы записать все, что удалось узнать у Аллы.

– Значит, вашу бывшую подругу зовут... звали... Кристина Олеговна Леденцова. А этого Федю как полностью зовут?

– А зачем вам Федя? – насторожилась Алла. – Федя тут совершенно ни при чем!

– Ну, такой порядок. Нужно его на всякий случай опросить. Считается, что при убийстве женщины самый первый подозреваемый – муж или любовник...

– Тем более он ни при чем! Он ей не любовник и тем более не муж!

– Не муж – понятно, но вы же говорили, что связь у них была.

– Да какая там связь! Один раз переспали, Крестинка на него прямо вешалась! И то было это почти два года назад!

– И что потом?

– А что потом? Федя ко мне приходил, прощения просил, чуть не на коленях стоял – бес, говорил, попутал, сам не знаю, как это случилось... но я послала его подальше. Знаешь, говорю, теперь тебе доверия нет. Ты на работе задержишься, а я стану думать, что ты с Крестинкой или еще с кем-то в койке. А мне это надо, такие заморочки? Он в конце концов и уехал куда-то... в Саратов, что ли. Или в Воронеж, не помню уже.

– А Кристина? Видели вы ее после того?

– Да Крестину я после того и видеть не хотела! Подруга, называется... через общих знакомых кое-какие слухи доходили – Крестинка наша прямо с цепи сорвалась, мужиков меняла как перчатки. Видно, хотела за все прошедшие годы компенсацию получить. Поэтому у нее больше и подруг не было...

– Что, так ни разу ее и не видели?

– Ну, кажется, один или два раза случайно столкнулись, но я к ней даже не подошла.

При этих словах Алла бросила взгляд на что-то за Дусиной спиной.

– Ладно, спасибо, вы мне очень помогли... Да, вот еще что. Были у Крестины какие-нибудь родственники?

– Здесь никого не было, она сама из провинции, у нее жилья своего нет...

Дуся поднялась и, прежде чем выйти, из кухни, обернулась.

На стене за ее спиной висела глянцевая цветная фотография – может быть, вырезанная из журнала.

На этой фотографии был изображен тропический остров – несколько пальм, белоснежный песок и набегающие на него волны...

И ни души, ни следа человеческого присутствия.

Дуся вздохнула и выглянула в окно. За ним была все та же унылая картина – с низкого сырого неба сыпала какая-то дрянь, не то снег, не то дождь. Да, на этом фоне тропический остров выглядел недостижимой мечтой...

Дуся вернулась на рабочее место и первым делом повесила на стул промокшую куртку. Петя Лебедин трудился над отчетом, которым его озадачило начальство, когда Петя попался начальнику в коридоре. Такое уж его счастье.

Он невнятно приветствовал напарницу и без особого интереса спросил:

– Ну что, узнала что-нибудь?

– Кое-что узнала. – И она вкратце изложила ему результат разговора с Аллой Мезенчук.

– Да, умешь ты находить общий язык со свидетелями! – завистливо вздохнул Лебедкин. – Мне бы твои способности! Какие бы у меня были потребности!

Дуся фыркнула, села за рабочий стол и принялась искать в базах данных любую информацию о Кристине Олеговне Леденцовой.

Она нашла адрес квартиры, которую снимала Кристина Леденцова, и место ее работы – небольшую фирму под названием «Кот и пес», занимавшуюся, как нетрудно догадаться, поставками импортного корма для кошек и собак.

– Петя! – окликнула Дуся напарника. – Ты вроде не очень занят?

– Занят!

– Да ладно тебе. Отчет куда не денется. Давай, поделимся. Съезди на квартиру, где жила убитая, а я наведаюсь к ней на работу.

– Почему я сразу на квартиру? – заныл Лебедкин.

– Потому что сам сказал – я со свидетелями лучше работаю, а на работе людей много. А ты квартиру осмотришь – может, какие вещи ее найдешь или еще что...

Петя недовольно фыркнул – больше для порядка – и отправился по адресу. Дуся поморщилась, надела не просохшую еще куртку и отправилась в офис фирмы «Кот и пес».

Фирма занимала несколько комнат на первом этаже нового кирпичного дома. Дуся первым делом нашла бухгалтерию, поскольку бухгалтерия знает все обо всех. Ну или почти все.

Войдя в комнату, она наметанным взглядом определила самую авторитетную женщину, отличающуюся плотным телосложением, высоким бюстом и начальственным взглядом, подошла к ней и предъявила свое удостоверение.

– А что случилось? – всполошилась женщина. – В чем дело? Почему вы ко мне? Вам, наверное, к Павлу Николаевичу надо, к директору... он у нас с проверяющими организациями работает...

– Да вы не волнуйтесь, я не по вашу душу. Мне нужно узнать об одной вашей сотруднице, Кристине Леденцовой.

– Ах, о Кристине! – В голосе бухгалтера прозвучало явное облегчение. – Так я и знала, что с ней что-то не то...

– Не то? – насторожилась Дуся. – А что именно не то? Что вы имеете в виду?

– Так вот, сами посудите: ушла в отпуск еще до Нового года, уехала в Красную Поляну на горных лыжах кататься, а потом прислала сообщение, что сломала ногу и попала там в больницу. Ну я ставлю ей больничный, а от нее ни слуху ни духу...

– И сколько же времени прошло?

– Ну сами поглядите – уехала еще в середине декабря, а сейчас уже февраль кончается... третий месяц пошел!

– А вы с ней не пробовали связаться?

– Как не пробовала! Еще как пробовала! Сначала сообщения посылала, потом звонила – все впустую! Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

– Да, действительно подозрительно... а скажите, у Леденцовой были близкие подруги?

– Подруги? – Дусина собеседница фыркнула. – Никаких не было подруг! Это такая личность, что от нее все женщины старались держаться подальше.

– Почему? – спросила Дуся, хотя уже знала, каким будет ответ.

– Почему? – повторила бухгалтер. – Потому что эта Леденцова до мужиков сама не своя была. Могла отбить мужчину у лучшей подруги. Потому и не было у нее подруг.

– Понятненько... – протянула Дуся, а дама из бухгалтерии уткнулась было в свой компьютер, давая понять Дусе, что она занята, но опомнилась и посмотрела пристально: – А вы вообще-то по какому вопросу? Вы знаете, что с Леденцовой случилось?

– Знаю, – вздохнула Дуся, – убили ее.

– Уб... – Бухгалтерша ахнула, но вовремя спохватилась и зажала рот рукой. – Ну надо же! И оглянулась на своих сотрудниц.

Дуся поняла ее правильно: скажи только про убийство, сразу же начнется шум и галдеж, все станут вспоминать, кто Кристину последним видел, да кто что ей сказал, да что она ответила... в общем, никакой работы до конца дня, а может, и на неделю.

– Это точно она? – Дуся достала фотографию, что дал ей Данилов. Он постарался снять получше, но все равно вид был жуткий. Смерть, она никого не красит.

– Ой, я и смотреть не хочу, я ее плохо знала! А вы вот лучше поговорите с Машей Балабановой, они в одной комнате сидели. Вот так Машин стол, а вот так – Кристинин. Мария у нас девушка толковая, она все вам скажет. Я ее сейчас вызову.

Маша оказалась маленькой худенькой девушкой, на Дусю она смотрела снизу вверх. Глаза чуть узковатые, близко посаженные, волосы жидковатые, бесцветные, в хвост увязаны, одета скромно – джинсы и свитерок серенький. В конце коридора был небольшой закуток, где стоял кожаный диван и металлический столик. Дуся положила на столик фотографию.

– Да, это она, Кристина, – спокойно сказала Маша. – Надо же, в каком виде...

Ни капли злорадства не было в ее голосе, так что Дуся уверилась, что никого покойная Кристина у Маши не отбивала.

– Можете мне про нее рассказать?

– Существенного ничего не могу. Так, собственное мнение.

– И то сгодится, – обрадовалась Дуся, отметив про себя, что девушка выглядит неглупой.

– Понимаете, ее все терпеть не могли, а ей на это плевать было. Нарочно людей против себя восстанавливала. Со мной только иногда парой слов перебросятся, потому что про мужиков и про тряпки мне неинтересно.

Маша быстро взглянула на Дусю и добавила:

– Не подумайте, что я вообще мужчинами не интересуюсь, просто мне некогда. Учусь на заочном, психологию изучаю. Так что на остальное времени нет.

– Это похвально. И что вы мне можете сказать о ней, как будущий психолог?

– Понимаете, она все детство и потом, до тридцати лет, несчастной была.

– Из-за ноги?

– Вы это уже знаете? Ну да, обмолвилась как-то, что ее все уродом считали. Казалось бы, подумаешь, одна нога короче другой или что там у нее было, что операцию делали, люди вообще без ног живут, а тут все-таки ходить можно. Но она в таком городке небольшом выросла, там ничего не было, никакой приличной клиники, да к тому же родители и не собирались ничего делать с ее ногой, отец вообще в детстве от них ушел, а мать во всем Кристину винила, плохие у них отношения были. Всячески ее гнобила, и никого рядом не было, чтобы защитить. В школе тоже хромоножкой дразнили, в общем, затюкали совсем, внушили, что она никто, и звать никак, и, главное, ничего ей в жизни не светит. Она из дома уехала, потому что с матерью жить было невозможно, мать замуж собралась и ее просто выживала из дома, каждый день скандалы были.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.